

Наталья Селиванова

ИРИНА ЯРЕМА. ХРАНИТЕЛЬНИЦА ЦЕННОСТЕЙ

Она остановилась у одной из своих картин и запела на украинской мове красивым, грудным, сильным голосом. Она пела о любви к родному краю, о горьких, как полынь, и красных, как кровь, ягодах калины – символе «Украины милой», о свободе и счастье. Ее голос заполнял пространство комнаты, крепчал, бередил душу. Казалось, под напором мощных звуков оживали, становясь участниками мистерии, дивные живописные пейзажи. А она пела... Она – это Ирина Ярема, Украинская художница, живущая в Казахстане. Или наоборот: казахстанская художница, живущая на Украине? Как не ошибиться, отвечая на этот вопрос, если каждую весну она улетает в свой уютный закарпатский домик, а поздней осенью возвращается в алматинскую квартиру? Если Зиновий, ее младший сын, живет во Львове, а старший, Любомир, – в Алматы? Если ее творчество одинаково волнующе как для украинцев, так и для казахстанцев?

Так чьих же земель будете вы, Ирина Ярема, очаровательная женщина, успешная художница?

РОДИНА – ЧИСЛО ЕДИНСТВЕННОЕ

– ...А заодно, Ирина, проясните еще пару вопросов. Вопрос первый: родина у человека одна или их может быть несколько? Вопрос второй: возможно ли быть одновременно сыном (дочерью) нескольких народов? Называют же, например, вашего славного земляка, поэта и художника Тараса Григорьевича Шевченко (в 2019 году – 205 лет со дня рождения), сыном двух народов: украинского и казахского...

– Несколько родин... Неблагозвучное словосочетание, к тому же маловразумительное по смыслу. Родина – всегда единственное число. Что касается Шевченко, то его феномен не в том, что он стал обладателем ярлыка «сына двух народов». Феномен Шевченко в том, что, находясь в ссылке сначала в укреплении Орском, а затем в Новопетровском на Каспии (1847–1857), он оставался сыном своего народа и при этом возводил мост дружбы между украинцами и казахами. Неутомимый украинец явился застрельщиком многих начинаний в истории края. Он участвовал в знаменитой Каратауской экспедиции и исследованиях Аральского моря; написал более двух десятков повестей и несколько стихотворений; сделал

около 250 рисунков, на которых впервые мастерски и этнографически точно был отображен быт казахской степи. За эти заслуги перед казахской землей Габиден Мустафин назвал Тараса Шевченко «одним из первых письменных поэтов казахской земли» и «одним из первых художников» казахского народа. Поэт и художник Шевченко охотно общался с казахами, заводил среди них друзей, находил братьев по духу, проникновенно рассказывал им о своей далекой родине. Пройдут годы, и казахская степь услышит пронзительные песни акына Жамбыла, посвященные кобзарю Шевченко:

Слушал я звонкий напев соловьиный,
Слушал я песни твои, Украина.
В степи летели они по утрам,
Плыли, как лебеди, по водам Днепра.

Песни твои, мой любимый Тарас,
Вместе с народом я слушал не раз:
Горы склонялись и степи внимали
Голосу гнева, страданий, печали...

Украина оставалась для опального поэта единственной родиной. А казахская степь стала для него землей, что его приютила и утешила, которую он полюбил и к людям которой отнесся со всей сердечностью. «Акын Тарази» («Поэт Справедливости»), как нарек Шевченко Мустафин, в течение десяти лет, сам не подозревая о том, медленно, деликатно, верно запускал процесс взаимообогащения культур украинского и казахского народов. То была непростая миссия. Но он справился...

Слушаю свою собеседницу внимательно. И вдруг осеняет: если Тарас Шевченко – основатель казахско-украинских культурных традиций, то кто же тогда Ирина Ярема? Ясно как божий день: Ирина Ярема – последовательница этих традиций, хранительница духовных ценностей двух народов.

О ДУШЕ И ВОСТОЧНОМ КОЛОРИТЕ

– Ирина, ваши работы – будь то живопись, графика или гобелены – часто называют «душевыми». Что для вас есть душа?

– Субстанция настолько тонкая, что затрудняюсь подобрать слова для ее определения. Чувствую: душа рядом с сердцем. Или в самом сердце. Эфемерные ангелы на моих картинах («Ангелы-хранители» – живопись, «Ангел со свечой» – графика) – чистые души. Мои родные и друзья – светлые души. Где-то там, вне моего духовного пространства, – темные души. О них говорить не хочу, а уж о тех, кто и вовсе без души, – тем более.

Что ж, поговорим о душах чистых и светлых. Ирина Зиновьевна Ярема родилась в Украине, в семье духовников: дедушка, дядюшка, отец были священниками. Мама работала учительницей, в свободное время занималась огородом, садом, цветниками; папа увлекался рисованием и поощрял интерес к художественному творчеству у своей дочери. А интерес у нее, несомненно, наблюдался. Особенно

маленькая Ира любила рисовать натюрморты. Составляла композицию из того, что было под рукой, потом размельчала химический грифель в порошок, высыпала его в мамин наперсток, плевала в ту же емкость и полученной смесью малевала на чем придется: на стенах, печке, заборе. «Алхимический ритуал», с одной стороны, выглядел ортодоксально: не наплюешь – не нарисуешь, но в то же время было в нем нечто от священнодействия: дух, вне сомнения, торжествовал над плотью. Впрочем, выпускница Львовского государственного института прикладного и декоративного искусства 1965 года Ирина Ярема не стала хранить верность своей ноу-хау-технологии. Изобретенная в детстве колдовская смесь уступила место масляным краскам и акварелям, карандашам и нитям.

В творческой биографии Ирины был период, когда она делала копии полотен Рафаэля, Перова, Шишкина. Но он продлился недолго – молодая и талантливая художница мечтала о самовыражении. И ее мечта исполнилась. Три года Ирина Ярема вместе с мужем Любомиром и сыновьями Любомиром и Зиновием прожила в Самарканде – городе, где все дышало экзотикой и было пропитано пряным восточным духом. Жмущиеся друг другу глиняные домики и огромные дворцы со стрельчатými нишами, древние мечети и минареты, цветущий урюк за высокими дувалами, оранжевый плов в громадных казанах и керамические пиалы с дымящимся чаем, колоритные чайханчики – все просилось на полотна. Да что – просилось? Азия, особа настырная и экзальтированная, требовала своего воплощения в искусстве. Художница только успевала эти требования выполнять. «Солнечная Азия» (живопись), «Узбечка» (графика), «Эскиз ткани» (гобелен) и еще сотни картин с эпитетом «задушевные» были созданы здесь, в Самарканде. А ведь она еще работала на производстве – шелково-ткацкой фабрике. В отведенный для обеда час мчалась за впечатлениями на городские улицы, а затем дома до поздней ночи или раннего утра переносила эти впечатления на холст, ткань, бумагу. И так день за днем, ночь за ночью.

В 1968 году Яремы выехали из Самарканда в город-сад Алма-Ату.

...А Я – АЛМА-АТА, БУДЕМ ЗНАКОМЫ!

– Вот вы, Ирина, делаете по Алма-Ате первые шаги. А первые мысли о городе – какие они, помните?

– Мысли помню, хотя не уверена, что именно они были первыми. Шевченко в своих первых письмах, отправленных с места ссылки, с горечью сообщал об унылых пейзажах, его окружавших: «ни травки, ни деревца, ни горы порядочной», «смотришь, смотришь, да такая тебя тоска возьмет – просто хоть давься». Но то – «мертвая пустыня». Алма-Ата же представилась мне с точностью до наоборот: яркой, солнечной, жизнерадостной, живописной. «Тут не “давься”, – подумала я, – тут в самый раз “дивись” будет».

Про «дивись» подмечено верно. Удивлялась, глядя на город, художница. Удивлялась город, наблюдая за художницей.

Вот она какая, пани Ирина! Идет-плывет по Коммунистическому проспекту – высокая, статная, красивая, с модной прической каре, одета стильно, по-европейски, чулки со швом, туфли на шпильках... Ох, уж эти шпильки! Они чуть не испортили впечатление художницы о городе. А было так. Муж пригласил пройтись по магазинам: ЦУМу, «Детскому миру». Согласилась. Но привыкшая к компактному

Львову, где магазины, лавки, кафе находятся рядом друг с другом, Ирина не учла больших, как ей показалось тогда, алма-атинских расстояний, не рассчитала сил, ну а туфельки на шпильках ее просто добили. Впечатления от первой прогулки уложились в два слова: «усталость» и «шпильки». Закрывая тему шпилек, скажу, что я искренне посочувствовала своей собеседнице: когда-то сама на 12-сантиметровых каблукках-ходульках, абсолютно невменяемая от усталости и боли, кандыляла в течение нескольких часов по мостовым старой Праги. И что? Невменяемость и усталость прошли – впечатления о городе остались.

– Думаю, ваш образ светской львицы так и остался в памяти Алма-Аты. А что вы отметили в лице Алма-Аты, кроме ее живописности?

– В сравнении со Львовом малое количество архитектурных памятников. (Вставила-таки пани «шпильку»!) И еще у меня возникли ассоциации с парубком, который силится разглядеть лицо дивчины, скрывающееся за густыми, длинными волосами, нарядными лентами и венками из ароматных полевых цветов. Я тоже старалась разглядеть лицо Алма-Аты сквозь зелень многочисленных садов, парков, скверов, палисадников... А потом сделала открытие: эта зелень и есть истинное лицо Алма-Аты.

Моя собеседница права, но было и еще то многое, что определило знаменитый алма-атинский стиль: жаркое, щедрое солнце и солнечные зайчики, запутавшиеся в ажурных тенях аллей, карагачи-богатыри, серебристые тополя, ныне реликтовые, полноводные арыки с прозрачной горной водой, плавающие лебеди в пруду кафе «Акку», золотые рыбки в бассейне театрального сквера, открытая панорама Заилийского Алатау... Кстати, особенный дух стародавней Алма-Аты все еще уловим в этих завораживающих горных вершинах, мелькающих в паузах сквозь застройку, в старых, не тронутых временем алма-атинских двориках, правильных – квадратных – кварталах и площадях, прямых улицах. Как там у Маяковского: «Вьется улица– змея»? Нет, это не про наши, не про алма-атинские улицы. Во-первых, наши не вьются не пойми как, а устремляются с севера на юг или с востока на запад; во-вторых, их уж никак со змеями не сравнить – только со стрелами... А знаете ли вы, что свою замечательную живописную картину «Чимбулак» художница Ярема написала как бы «на пролет» – из окна своей коктемовской квартиры?

Но стоп! Какой же алма-атинский стиль без яблок, без апорта? Ирина Ярема ответила на этот вопрос, создав свои живописные, графические, гобеленовые «Яблоки» и «Апорт». «Вкусные» получились картины, «ароматные»!

– Ирина, а землей не пробовали заниматься? Ну, там, яблоньку в садике посадить, вишенку, сливу?

– Пробовала, тем более что деревья люблю. Пыталась переселить с Карпат в Алма-Ату плакучую иву, а в Карпаты – карагач (их там нет). Не получилось, не в маму пошла, которая с землей ладила. Помню, привезла она откуда-то семена астры серебристой, посеяла их, а потом весь хутор ходил любоваться на диковинные цветы. А Тарас Шевченко? Воткнул в неплодородную землю солдатского огородика на Мангышлаке вербовый пруттик, и выросло из него большое красивое дерево. Местные называли его «Тарасова верба» и берегли, словно священную реликвию. Вот и Алма-Ату, видимо, озеленяли люди с легкими руками...

...и чистой совестью. Глубоко прониклась Ирина Ярема стилем Алма-Аты – стилем, равного которому не было в Союзе, возможно, и в мире. Алма-Ата в 60–80-х годах переживала свой расцвет, именно в это время (в 1968 году) сюда и приехала Ирина Ярема.

Здесь, работая главным специалистом в институте «Казгипротехноместпром», Ирина Ярема создавала для казахстанских предприятий легкой промышленности свои маленькие шедевры – эскизы набивных платков и жаккардовых изделий: покрывал и скатертей.

Здесь рождались и ее большие шедевры – живописные, графические, гобеленовые картины. Здесь в 1970 году она вступила в члены Союза художников СССР, а в 1980 году стала лауреатом Государственной премии КазССР им. Ч. Валиханова. Здесь произошло профессиональное становление сыновей Зиновия и Любомира.

Здесь второй раз вышла замуж за художника Ария Школьного. Здесь приобрела друзей и единомышленников. Здесь живет сегодня прекрасная женщина и творит замечательная художница Ирина Ярема. Все тот же, что и 50 лет назад, европейский лоск, все то же строгое соответствие стилю, а еще обалденные духи с терпким восточным амбре. Только вот шпильки пришлось сменить на просто каблочки. Смотрю на нее и думаю: какая же она вся... свободная...

БЫЛА БЫ ПРОЧНА ПАЛАТКА...

– *Что необходимо для того, чтобы вы, Ирина, чувствовали себя свободной?*

– Если «из окошка видно улицы немножко», то ощущение счастья не поймаю.

А вот когда просторы да природа – я уже и счастлива безмерно.

Алматы не просто место проживания Ирины Яремы – это творческая база, откуда она с мужем художником Арием Школьным и друзьями отправлялась в увлекательные путешествия. По своим интересам, мироощущению эти люди не тянули на вип-персон, а потому их не манили дальние экзотические страны, модные развлечения, фешенебельные отели. Очарованные тишиной, убаюканные поющими барханами, опьяненные горным воздухом, унесенные ветром степей, они умели чувствовать вкус истинной жизни.

– *А какой ветер унес вас из наших-то теплых мест на Соловки?*

– По всей видимости, холодный северо-восточный. Командировку на Соловецкие острова (21 день) организовал Союз художников за счет самих художников. «Счет» того стоил: проживание в палатке в интерьере экостиль, любование белыми ночами и нереально красивыми закатами, ежевечерние чайные (чай на ключевой воде и травах) церемонии, соби́рание грибов и ягод: из грибов – жареха и суп (по части приготовления грибных блюд Ирине, заявляю со знанием дела, равных нет), из черники – вареники. Все оставшееся время работали художниками – писали с натуры. Какие чудесные этюды закатов, Белого моря, лесных озер создал здесь Арий Школьный!

А какая великолепная серия под названием «Соловки» родилась у Ирины Яремы! Она написала ее легко и быстро – «как сердце подсказало, как рука легла».

Ирина вдохновенно рассказывает и о других путешествиях в дикую природу: остров Валаам на Ладожском озере, на озера Байкал и Искандер-Куль. Чтобы ока-

заться на озере Искандер-Куль (Таджикистан), всей компании путешественников, в числе которых – муж Арий и племянник Андрей, предстояло через Анзобский перевал преодолеть Гиссарский хребет – задача не из простых. Однако со всеми препятствиями путники мужественно справились, за что и были вознаграждены открывшимся перед ними видом на высокогорное озеро с примыкающими к нему селениями (2,5 тыс. м над уровнем моря). Впечатления от увиденного легли в основу живописно-графических деревенских пейзажей Ирины Яремы: «Село Зидды» «Анзоб», «Горный кишлак» и др.

А природные казахстанские достопримечательности? Их ведь тоже хотелось увековечить. Художница обошла все ущелья Алматинской области. «Самое красивое, – говорит с уверенностью знатока и ходока, – Тургеньское, в нем восстанавливается баланс энергий». Верно. Приглядитесь-ка к картине «Осень в Тургеньском ущелье». Чувствуете, какие мощные энергии там витают?

– *Стало быть, за энергиями в Тургеньское, а за адреналином – куда?*

– На Чарын, естественно. В моей художественной коллекции есть много разных «Чарынов»: живописных, графических, гобеленовых. А хотите остросюжетное кино про Чарын – «Четверо в двух лодках и без собаки» называется?

Рассказывает. Четыре художника-экстремала: И. Ярема, А. Школьный, А. Квачко, В. Савченко сплавились по Чарыну на двух резиновых лодках. Сначала все было спокойно и благостно, потом, когда одна из лодок, где находились Ирина и Арий, напоролась на штырь и пошла ко дну, началась паника. Со дна речного, к счастью, выкарабкались все, но весло, очевидно в качестве выкупа, дух реки прибрал себе. Ну и ладно, легко отделались! Выбрались на берег, развели костер, Ирина принялась готовить пищу, а мастеровой да смекалистый Квачко стал ладить весло. Ладил всю ночь, приговаривая как мантру: «Будет утро – будет весло – будет ход!» «Давай, делай, – думала про себя мудрая Ярема, – мой Чарынский ход завершился, да и всех остальных тоже». Похоже, ее мантра оказалась сильнее – путешествие, не успев по-настоящему начаться, закончилось. «Утонувшее весло – знак остановиться, – убеждена Ирина. – Нужно видеть знаки, на которые указывает пространство, и уметь их читать – это верный путь к гармонии с миром. Про природу не говорю, природа и есть гармония в своем наивысшем воплощении. Читайте знаки!»

Убедили, Ирина, буду читать. Кстати, о знаках. В 1971 году Ирина Ярема вошла в состав экспедиции в Тамгалы. Члены экспедиции жаждали увидеть чудо казахской земли – петроглифы. На место приехали к ночи, спать расположились прямо под звездами, рядом с юртой, которую занял аксакал – художник Ходжииков. Однако сон не шел – разговоры, анекдоты, а тут еще нет-нет да и выглянет из-за юрты любопытствующий баран. Похоже, он гостям обрадовался: «Хорошо, люди приехали – бешбармак будем кушать!» Что с него возьмешь? Баран есть баран. Хотя, действительно, бешбармак состоялся. В три часа ночи радушный хозяин юрты пригласил на ужин. Баран на ужине тоже в какой-то степени присутствовал, однако посматривать из-за юрты на сытых гостей ему больше не пришлось...

– *Не забыли за всем этим весельем о петроглифах, ради которых, собственно, и приехали в эту местность?*

– Такое не забудешь! С первыми лучами солнца на скалах открылись петроглифы. Потрясающая картина! Все ушло на второй план: анекдоты, баран, поздний ужин, безмятежно посапывающий в юрте Ходжиков. Мое знакомство с наскальными знаками состоялось. С тех пор я к этой теме возвращаюсь постоянно.

Действительно – возвращается. В том же, 1971 году, Ирина Ярема, приглашенная к участию на выставке «Советский гобелен № 1», была отмечена дипломом «За возрождение народных традиций в Казахстане». В 1974 году Ирина Ярема с гобеленом «Алатау по наскальным мотивам» приняла участие в 1-м Международном симпозиуме по гобеленам. В 2009 году стала одним из десяти дипломантов Международной выставки изобразительного искусства «Из росы и воды», состоявшейся во Львове.

Мотив петроглифов в творчестве художницы Яремы постоянен. Только звучит он по-разному. Петроглифы в ее ранних миниатюрах лапидарны, предсказуемы, традиционны. Петроглифы, которые она закончила только что («Песни скал», «Рисунки Тамгалы» и др.), выполненные на пробке и монотипиях из цветной туши, выглядят модерново, если не сказать, авангардно. Они неожиданны, информативны, ассоциативны, в них ощутим некий фьюжен, ломающий стереотипы и наталкивающий на мысль о космополитичности творчества художницы. «Это моя интерпретация, мои мысли, желания», – «подписывается» она под этой серией петроглифов – знаков, подаренных ей пространством.

Личная интерпретация, творческий поиск – привычное для Ирины Яремы состояние. Сколько создано таких вот «интерпретаций» за всю жизнь и сколько раздарено? Этого она уже не помнит. В памяти осталось лишь материнское прощание: «Не будешь богатой, потому что добрая». А добрая она, потому что счастливая. Да и бог с ним, с богатством!..

– *Ирина, я правильно поняла: город для вас значит много. Но кульминация эмоций, творческий экстаз – это за пределами Алматы.*

– И за пределами Казахстана тоже, в родных Карпатах.

САМ БОГ ВИТАЕТ НАД СЕЛОМ

– *Как там, в Карпатах?*

– А как может быть на родине? Добре!

Село! В душе моей покой.

Село в Украине дорогой.

И, полный сказок и чудес,

Кругом села зеленый лес.

Цветут сады, белеют хаты,

А на горе стоят палаты,

И перед крашеным окном

В шелковых листьях тополя,

А там все лес, и все поля,

И степь, и горы за Днепром..

И в небе темно-голубом

Сам Бог витает над селом .

На казахстанской земле тоже добре, но... по-другому. Горы, к примеру, здесь другие. Горы Заилийского Алатау высокие, намного выше Карпат, по конфигурации «амплитудные», по цветовой гамме контрастные, больше графические, нежели живописные. Наверное, потому и выглядят они серьезно: суровыми, неприступными аскетами. Карпаты невысокие, плавных очертаний, бархатистой фактуры, яркие и живописные – точь-в-точь как на моей картине «Будь благословенна, моя Украина!». Скажу о горных озерах. В Казахстане они чаще матовые: матово-бирюзовые, матово-синие, матово-голубые, иногда с серыми пятнами; на Украине – серебряные, прозрачноводные. И пару слов о степях. В Казахстане – бескрайние дикие степи, на Украине – обработанные поля, многоцветные луга, где сквозь золотистую рожь пробиваются маки, васильки. В дикой природе в Казахстане произрастают ирисы, на Украине – нарциссы.

Поразила Ирина Ярема – не художница, а гринписовец какой-то! Говорит, точно картину пишет сочными, уверенными мазками. Только вместо мазков – метафоры, эпитеты, поэтические сравнения. И песенные заставки – преимущественно куплеты из украинских песен. «В Западной Украине, песенной державе, – продолжает свой сравнительный анализ Ирина, – поют по-особенному. Деревни друг от друга отличаются песнями».

Она рассказывает, а у меня – ощущение дежавю: я знаю многих казахстанских художников, которые так же, как и эта украинская художница, без песни не могут ни картину написать, ни просто поговорить.

– Ирина, я тут вот о чем подумала. Строителям Вавилонской башни нужно было не разговоры разговаривать на разных языках, а просто петь. Или политикам, это ближе к нашей истории, не договора бы мирные подписывать, что легко нарушаются, а тоже петь, причем всем вместе. Или...

Почувствовав, что «Остапа понесло», здравомыслящая моя собеседница прерывает мои фантазии:

– Много петь язык устанет. Я вот как-то весь день ткала и пела, а к вечеру язык разболелся. Но меньше петь не получается – у меня свое попурри сложилось, где каждая песня идет за другой в строгой последовательности.

– Жестко. Однако из попурри песни не выкинешь. Поете одна или кто помогает?

– Кто помогает ткать, тот помогает и петь. Чаще всего младший сын Зиновий. Вот приехал из Львова на два месяца, так мы уж и отведем душу: и поткем, и подем.

– Дуэтом или Любомира возьмете в компанию?

– Возьмем, но только ткать и слушать, петь не будет.

– Суровые в семье законы! Зато язык у Любомира не заболит. Ирина, раз уж о песнях заговорили, сами-то кого любите слушать?

– Жаворонков. Сердце трепещет, когда слышу их песни, напоминающие мне песни родины. Жаворонки в Казахстане очень крупные и очень смелые – летят рядом с машиной по степи и поют. Люблю казахскую степь. Люблю наблюдать за неспешным ходом безмолвных черепах, пластичными движениями юрких ящериц, медленным парением в небесной синеве зорких орлов и соколов. Безусловно, именно отсюда, из степи, и берет свое начало особенная мелодийность украинских и казахских песен. Это я чувствую душой.

Западная Украина – держава не только песенная, но и обрядовая, сакраментальная. У нас до сих пор в чести языческие праздники, праздник Ивана Купалы, например. Или Пасха. Три дня под звон колоколов идет пасхальная гуляба. Ходим друг к другу в гости, все вместе: священнослужители, дети, старики, хлопцы, дивчины – водим хороводы. Задорно, с выдумкой проводится здесь и Рождество, мой любимый праздник...

– *Но без вас, поскольку зима для Ирины Яремы – казахстанский сезон.*

– Один раз я все-таки нагрязнула в Карпаты на Рождество. То-то был сюрприз для родных! Но, как правило, Рождество встречаю в Казахстане. К счастью, здесь украинской диаспоре размытие самоидентификации не грозит.

– *Ну да. Согласно Конституции РК «о праве на пользование родным языком и культурой» и закону «О языках» «о праве на свободное развитие культур этносов».*

– Упомянутые законы лишь придали официальности давно сложившимся добрым отношениям. Издавна украинцы, и думаю, что не только они, чувствуют себя в Казахстане добре. Не один десяток лет в Алматы действует украинская община, мы часто собираемся вместе, ходим по праздникам в церковь, наряжаемся в вышиванки, готовим национальные блюда, говорим на родном языке, поем свои песни. У нас даже есть свой хор.

– *И вы, конечно же, в хоре?*

– Не в хоре.

– *Потому что болит язык?*

– Потому что нужно ходить на репетиции. А мне не нравится слово «нужно». И еще мне жаль времени, потраченного на репетиции. Оно ведь как? Поется, значит, поется, а не поется – тут уж извините, тогда буду слушать. Нет, не только жаворонков, мне нравится «Божественная литургия», исполняемая в Дыбовицком монастыре. Часто слушаю ее запись.

Упоминание о «Божественной литургии», воспоминания о милых сердцу Карпатах, о его песнях, традициях – все это внесло в нашу беседу минорное настроение. Кажется, заскучала пани Ирина, затосковала о родине, подобно перелетной птице, чувствующей по весне, что пора возвращаться в родные края... Но вновь, в который уж раз, удивила меня эта женщина. Не знаю, по-украински ли то было, по-казахски ли, по-русски, но – «раззудись, плечо, разлетись на куски меланхолия!» – взлетела Иринушка с кресла, мягкого да удобного, и завела с припляса озорную украинскую коломейку (частушка по-русски):

Танцовала стара баба
На ярмарке з Грицьком,
Вибила му штири зуби
Своей правой цицькой...

Переводить услышанное не буду: кто поймет, тот посмеется, не поймет – так промолчит. Поэзия, конечно, не кургузная. Да и сама пани Ирина, которую я иногда так называю, на пани как будто и не тянет. Передо мною – заводная, озорная, красивая, лукавая Солоха с хутора близ Диканьки, чары которой способны ввести во грех самого служителя церкви. Разошлась Ирина-Солоха – частушка за частушкой, анекдотец за анекдотом – и все это как-то по-нашенски, лихо, крепко,

с «замашистым, бойким словом», которое, как выяснилось, не обязательно может быть русским. Ай, да братские народы! Полная языковая эклектика: смешение литературных русского и украинского языков, а также диалектов, вкрапления казахских слов. Поначалу она все спотыкалась на переводах для слушательницы (т. е. для меня), потом пошло гладко: суть текстов я постепенно стала улавливать и без перевода. Поняла я и свою занятную собеседницу: когда она говорит о Казахстане – она пани Ирина, когда о Закарпатье – Солоха. Мой вывод таков: взаимообогащение культур – добре, но и этническая идентичность – тоже жаксы.

– Пани Ирина, вы, конечно, помните себя юную. Что сейчас, с высоты своего опыта вы сказали бы ей? От чего бы предостерегли?

– Не плюй в наперсток – он пригодится твоей маме-мастерице! А если серьезно, то сказала бы следующее. Снова поступай во Львовский государственный институт прикладного и декоративного искусства, но не в 29 лет, как ты это сделала, а в 17. Не позволяй приближаться к себе дурным людям. Будь на равных с природой, и она поделится с тобой мощью своего духа, волей, величием. Хотя бы иногда возвращайся к самой себе – той, какой ты запомнила себя в детстве... Теперь я скажу себе как зрелой женщине и состоявшейся художнице: «Ты молодчина, Ирина, ты прочувствовала вкус жизни, прожив ее в гармонии с собой и природой!»

– И уже неважно, какую культуру, когда и на какой земле вы представляете, важно, что вы – Мудрая Хранительница духовных и нравственных ценностей.

16 мая в галерее «Арт Самал» состоялось открытие выставки произведений Лауреата Государственной премии РК Ирины Яремы и Заслуженного деятеля искусств РК Ария Школьного. Вернисаж был приурочен к национальному украинскому празднику День вышиванки. На выставке присутствовали известные искусствоведы, художники, представители СМИ, украинской общины и украинской церкви. Вниманию поклонников творчества двух художников были представлены живописные, графические картины, а также эскизы гобеленов. В своем приветственном слове Ирина Ярема пожелала своим гостям мира и благополучия и выразила надежду, что данный вернисаж еще больше вдохновит ее на дальнейшее творчество... У меня только один вопрос к неутомимой художнице: «А когда следующая выставка?»

